

УДК 821.161.1 Русская литература

Гольман Ю. И.

Московский государственный областной университет

**ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗА-СИМВОЛА ДЛЯ СОЗДАНИЯ ПСИХОЛОГИЗМА
В ПОВЕСТИ Л.Н. АНДРЕЕВА «ЖИЗНЬ ВАСИЛИЯ ФИВЕЙСКОГО»**

Y. Golman

Moscow State Regional University

**MEANING OF CHARACTER-SYMBOL FOR DEVELOPMENT
PSYCHOLOGISM IN THE STORY «LIFE OF BASIL OF THEBES»
BY L.ANDREEV**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению образов-символов в повести Л.Н. Андреева «Жизнь Василия Фивейского». Предметом исследования в статье становится символика имён и такие образы-символы, как тишина, стена, смех, безумие. Символы рассматриваются автором статьи в качестве вспомогательных средств, при помощи которых Андрееву удаётся наиболее полно выразить идею своего произведения. В данной работе делается акцент на анализе психологических приёмов, используемых писателем. Помимо выявления художественных приёмов, в статье представлен глубокий литературоведческий анализ произведения.

Ключевые слова: приемы психологизма, символ, образ, Андреев, герой, мотив, художественная деталь, портрет.

Abstract. The paper is devoted to the study of images of characters in the story by L.Andreev "Life of Basil of Thebes." The object of the article is the symbolism of names and symbolic images such as: silence, a wall, laughter, madness. The symbols are considered by the author of the articles as tools with which Andreev can best express the idea of his work. This paper focuses on the analysis of the psychological techniques used by the writer. In addition to identifying artistic techniques, the article provides an in-depth analysis of literary works.

Keywords: methods of psychologism, symbol, image, Andreev, the hero, motif, art piece, portrait.

Творчество Л.Н. Андреева (1871-1919) занимает важное место в истории русской литературы XX века. В данной статье мы обратимся к одному из самых значительных его произведений – повести «Жизнь Василия Фивейского» (1903). Её анализу были посвящены работы таких литературоведов, как Л.А. Иезуитова, А.Н. Киселёва, Е.А. Михеичева. Их внимание было сосредоточено, прежде всего, на выявлении идейно-смысловых аспектов произведения. Нам же хотелось бы рассмотреть эту повесть с точки зрения её стилистического своеобразия, особенностей психологизма и того, какую роль играет символ в художественной структуре андреевского текста.

Мы исходим из того, что «символ – это универсальная категория культуры, определяющая систему отношений между реальным миром и сферой идеального смысла; особая парадоксальная структура, в которой совпадает смысл и выражение» [4, с. 17]. Также важно отметить, что «символ всегда претендует на то, что он представляет саму реальность, но только сгущённо-загадочную, такую именно реальность, которая до конца не может быть познана, не может быть исчерпывающим образом истолкована» [5, с. 85]. Именно поэтому «расшифровывание» символов столь значимо: каждый «новый» раскрытый смысл влечёт за собой более

глубокое и всестороннее толкование авторского текста. В творчестве Л. Андреева символ часто используется для создания особой психологической атмосферы произведения и более ёмкой психологической характеристики героев. В повести «Жизнь Василия Фивейского» можно выделить несколько групп символов, рассмотрение которых, на наш взгляд, является чрезвычайно важным для понимания авторского замысла. В данной статье будет рассмотрено лишь две группы: символика имён, образы-символы (тишина/молчание, стена, смех, безумие).

1. Символика имён. Интересна символика имени главного героя. Корень фамилии героя – Фивейский – обращает нас к древнегреческому мифу об Эдипе, сыне царя Фив, и Сфинксе. Как известно, Сфинкс загадывал каждому проходящему вопрос: «Кто ходит утром на четырёх ногах, днём на двух, а вечером на трёх?» И убивал того, кто не способен был ответить. Иными словами, каждого, кто не разобрался в своей судьбе, ждёт гибель. В контексте произведения эта аналогия приобретает особое значение. Василий Фивейский пытается одолеть собственную судьбу ради ответа на вопрос, кто он есть, в чем его предназначение и для чего жизнь преподносит ему столько испытаний.

Имя героя – Василий – в переводе с греческого языка означает «царственный». Говорит ли это о некоем таинственном знаке избранности или указывает на то, что о. Василий должен был наставлять своих прихожан? К концу повести Фивейский возомнит себя равным Богу. В свете этого значение имя героя приобретает оттенок трагической иронии.

В повести Андреева упоминается также имя Иова, с которым сравнивается Василий Фивейский. Один из героев, Иван Порфирович Кропов, отказывается целовать руку у священника. И дьякон рассказывает ему о «многострадальном Иове: как Бог любил его и отдал сатане на испытание, а потом сторицею вознаградил за все муки». На что Кропов отвечает: «Так то Иов – праведник был,

святой человек, а это кто?» [1, с. 479]. Андреев существенно перерабатывает притчу об Иове, но основные вопросы, поднимающиеся в ней, становятся центральными в повести: герой очень многое теряет в своей жизни и не может объяснить себе, почему так происходит. Он во всём пытается найти высший смысл, понять своё предназначение, точнее, отгадать, какое предназначение уготовил для него Бог.

Интересно толкование имени дочери о. Василия – Настя. В переводе с древнегреческого языка Анастасия означает «возвращение к жизни, воскрешение». Можно заключить, что оно выбрано Андреевым по принципу контраста – ведь судьба этой девочки ясно показывает, что никакой жизни у героев и уж тем более воскрешения быть не может. Настя, похожая на волчонка, – один из самых отталкивающих и страшных образов этой повести. На неё, по словам автора, уже «легла чёрная тень грядущего», [1, с. 451]. Даже играя, девочка не может представить себе счастливой жизни, полной любви и радости. Когда в семье погибает один ребёнок, логично предположить, что другого будут любить сильнее. В случае же с Настей всё происходит наоборот. Потеряв сына, родители сначала предоставляют девочку самой себе, а потом Василий Фивейский и вовсе отдаёт её на воспитание тётке, тем самым теряя, может быть, единственную возможность возрождения.

2. Образы-символы (тишина/молчание, стена, смех, безумие). В первых же главах произведения мы встречаем упоминание о тишине. После смерти единственного сына о. Василий идёт в поле. Именно там звучат его «громкие, отчётливые слова: Я – верю». И далее автор пишет: «Без отзвука потерялся в пустыне неба и частых колосьев этот молитвенный вопль, так безумно похожий на вызов» [1, с. 453]. Здесь важно обратить внимание на то, где именно произносит свои слова герой: не в церкви, не перед иконами, а в поле. В кого верит Фивейский, к кому обращён его «вызов»? Мир вокруг героя – пустыня, в которой он бесконечно одинок, в которой

ничего, кроме тишины нет, его «молитвенный вопль», пытаюсь прорваться сквозь бездну молчания, теряется в ней. И этот вызов (пусть пока ещё и очень слабый) – вызов и себе, и Богу. Тишина вокруг героя словно знак богооставленности. Служитель Слова не слышит слов, и тишина его страшит.

Тишина окружает и попадью. После рождения идиота она начинает пить ещё больше, чем прежде, при этом «мёртвая пустота не дарила ей ни образа, ни звука» [1, с. 485]. Как только человек теряет себя, теряет свой путь, он оказывается в абсолютной тишине, выбраться из которой подчас становится совершенно невозможно. И тогда героя настигает безумие.

Однажды измученная попадьё, пытаюсь объяснить все свои несчастья, обвиняет Фивейского: «Ты в Бога не веришь. Вот что!» [1, с. 487]. Но священник «резко и наставительно» отвечает: «Думай, что говоришь. Я верю в Бога» [1, с. 488]. И опять в доме повисает молчание. Практически на протяжении целой страницы Андреев только и описывает это молчание, прерываемое лишь совершенно неуместным и безумным смехом: «и опять молчание, и опять тишина», «и молча сядились они играть в весёлую и смешную игру», «но лишь замирал последний звук речи», «нарушаемая и грозная тишина смыкалась», «бесшумно и медленно», «тишина начинала гудеть» [1, с. 488]. И эта тишина становится пронзительнее любого звука, эта тишина рождает страх и кошмары («отовсюду закачались на попадьё безглазые призраки»). И даже крик попадьи не может разрушить тишины: «дико-жалобен и страшен был одинокий крик о помощи <...> как саван, облепила его глухая и бесстрастная тишина, и был он мёртв в этой одежде мёртвых» [1, с. 489]. Перед попадьёй словно бы открывается бездна, в которую она падает.

Смешиваются реальность и ирреальность. Причём не только в сознании Фивейского, но и его жены. Она напивается, кричит от боли. Обе реальности не дают человеку спокойно жить, он словно убегает из одной в другую.

Тишина заполняет собой пространство, становясь чем-то вполне самодостаточным и реально существующим, способным свести героев с ума.

С помощью образов-символов писатель создаёт у читателя ясное ощущение того, что лишь истинная вера может спасти человека от одиночества, освободить его от мучительной тишины. В повести есть эпизод, в котором Василий Фивейский читает Евангелие. Наступает ночь, за окном – «бесноватая» метель, но стены дома выдерживают её, и она уже не вселяет страх в о. Василия. «Дверь хлопает, впуская звуки. Они жмутся у дверей, – но там никого нет» [1, с. 524].

Герой читает сам для себя, оправдывая всё, что произошло с ним, он читает – и снова и снова убеждается в своём предназначении: «И, проходя, увидел человека, слепого от рождения <...> это для того, чтобы на нём явилось дело Божие <...> Доколе Я в мире – Я свет миру» [1, с. 525]. И вера всё растёт и растёт в душе священника, и вот он в порыве «возопил»: «Верую, Господи! Верую!» [1, с. 526]. Однако затем «громкий скачущий хохот прорвал тишину» [1, с. 526] – это «идиот смеялся».

Упоминание об этом смехе снижает весь тот торжественный пафос, с которым говорит Фивейский. Этот хохот будто гром среди ясного неба, не предвещающий ничего хорошего. Фивейский возгордился, решил, что может разгадать Промысл Божий, подумал, что уже разгадывает – и в ответ ему раздаётся «бессмысленный злоедающий смех» [1, с. 526], который кажется гораздо более жутким, чем тишина. В конце повести тишина становится самостоятельной живой силой, которая не только может звучать, но и имеет определённый вес, то есть является вполне осязаемым и ощутимым объектом. Так, говоря о похоронах Мосягина, Андреев пишет: «тишина стояла немая и тяжёлая» [1, с. 531].

На страницах повести часто возникает мысль о безумии героев, которое существует словно бы вне человека и в конце концов настигает его. Для создания экспрессии при

передаче психологического состояния героев Андреев повторяет одни и те же слова, используя их и для описания персонажей, и для описаний природы. Так, например, изображение дома священника вызывает ощущение, что весь мир охвачен безумием, ужасом и болью: «болезненная темнота закрытых ставен», «безумная мысль», «безумная надежда», «не сходил ужас с тёмного лица её мужа», «дикий и безысходный сон», «дикие жалобы и проклятия», «само безумие стояло у дверей» [1, с. 481].

В описании дома в роковую ночь мы можем найти и образ-символ стены: «закрытые ставни», стены дома, за которыми «стоит безумие». Герои не пытаются преодолеть эту стену, они точно знают, что за ней их не ожидает ничего лучшего. Эти символы, появившись в начале повести, будут встречаться на её страницах до самого конца. С безумием связано и рождение идиота: «в безумии зачатый, безумным явился он на свет» [1, с. 484].

Образ безумного владеет всеми. От него, как от кошмара, старается спрятаться, скрыться, уйти (и, наконец, уходит – в смерть) попадья. Дочери отца Василия Насте нравится быть похожей на идиота; она не только перенимает его мимику, жесты, но и равнодушна к людям, холодное безразличие к собственной матери. Безумен и сам о. Василий, душу которого наполняют мучительным восторгом стены пустого дома, злобно-испуганное лицо идиота, ибо в торжестве зла видит он преддверие собственного великого подвига.

Отдельные детали и символические образы становятся рефреном в тексте. Так, например, попадья всё время смеётся. Смех героев – это выражение трагического внутреннего конфликта и тщетная попытка преодолеть его. Важно и то, что смех теряется в абсолютной тишине, от чего он становится ещё более зловещим и жутким: «но без отзвука, как камень в бездонную пропасть, падал и тут же умирал одинокий смех, и ещё кривился усмешкою рот, когда в глазах её уже нарастал холодный страх. И такая тишина стояла,

словно никогда и никто не смеялся в этой комнате» [1, с. 486].

После разговора с одним из героев, Трифоном, о. Василий понимает, что больше не может идти в церковь: «Не могу. Мне страшно» [1, с. 508]. Такое решение даёт герою совсем не просто, это, быть может, самый большой кошмар в его жизни. Андреев показывает это, концентрируя в одном предложении все образы-символы, обозначающие катастрофу: «Надвигалось что-то огромное и невыразимо ужасное, как беспредельная пустота и беспредельное молчание. И не было земли, и людей, и мира за стенами дома – там был тот зияющий, бездонный провал и вечное молчание» [1, с. 508]. Это молчание и пустота словно проникают в Василия Фивейского, и ему уже не скрыться от них. Он просит попадью зажечь свечи. Но в своём решении – и в страхе перед жизнью, следующей за ним, – о. Василий остаётся бесконечно одинок.

Чрезвычайно значимым образом-символом в произведении является стена. Особенно важна роль этого символа в кульминационном эпизоде повести, когда Василий Фивейский собирается воскресить умершего.

Андреев подробно, до мельчайших деталей, рисует изменения в эмоциональном состоянии героя: «концы его пальцев побелели, как у мёртвого <...> он точно наслаждался её (вдовы) безмерною мукою – так весел, так ликующ, так дерзко-радостен был его стремительный взор» [1, с. 537]. Василий Фивейский, подобно Иисусу из Назарета, воскресившему Лазаря, собирается воскресить Семёна Мосягина. Люди, находившиеся в храме, «в паническом страхе» [1, с. 537] бросаются к дверям, и Фивейский остаётся один на один с Богом и трупом. При этом, «весь блистая мощью безграничной веры, о. Василий возгласил вторично, с торжественной и царственной простотою: – Тебе говорю, встань!» [1, с. 538]. Но в ответ – тишина.

Фивейский не понимает, почему чуда не происходит. Он лишь видит, что остался совершенно один, а «за окнами темно, но не

догадывается – почему» [1, с. 538]. Герой требует объяснений у Бога: «Так зачем же всю жизнь мою Ты держал меня в плену, в рабстве, в оковах? <...> Ну, явись же – я жду!» [1, с. 539]. И Фивейский ждёт, что Сам Бог подчинится ему. Но вновь в ответ – «тишина». Буря протеста поднимается в душе у о. Василия, и он «кричит, заглушая криком грозную тишину»: «Ты должен! <...> Бери у других, а ему отдай! Я прошу!» [1, с. 539]. Он убеждён (даже обращаясь к Богу), что может сам определять: кому жить, а кому нет, он мнит себя властителем судеб. Но способен ли о. Василий разрушить тишину, которая оглушает его?

Фивейский уже не смиренно ждёт – он, в своей гордыне, видит себя на равных с Богом и требует воздать ему. Безумие окончательно охватывает героя, когда он «со злобою трясёт чёрный тяжёлый гроб и кричит: «Да говори же ты, проклятое мясо!» [1, с. 539]. В отличие от Христа, Который совершает чудо, чтобы помочь людям, из бесконечного сострадания к ним, Фивейский хочет воскрешения лишь для оправдания собственной гордыни.

И вот о. Василий заглядывает в гроб и видит там идиота: «вокруг вывернутых ноздрей, вокруг огромного сомкнутого рта вьётся молчаливый зарождающийся смех» [1, с. 539]. Автор сам расшифровывает смысл этого образа: «непостижимое смешение вечной жизни и вечной смерти» [1, с. 539]. Этот «молчаливый смех», это безумие – единственная, по Андрееву, правда жизни.

Фивейский «кричит в диком гневе», но «слов его не слышно» [1, с. 540]. Чтобы подчеркнуть масштаб происходящего, автор предельно гиперболизирует уже знакомый нам образ-символ смеха. Смех (вернее, страшный хохот) занимает всё пространство, окружающее героя. При этом зримо проявляется его разрушительная сила: «и хохот, подобный грому, наполняет тихую церковь. Грохочет, разрывает каменные своды, бросает камни и страшным гулом своим обнимает одинокого человека» [1, с. 540]. И тогда Фивейский «с диким рёвом» [1, с. 540] бежит к дверям.

Неслучайно автор дважды использует здесь эпитет «дикий». Хаос, царящий в душе героя, словно зверь из оков, вырывается наружу: «Небо охвачено огнём <...> в самых основах своих рушится мир <...> и оттуда несётся огромный громopodobный хохот» [1, с. 540]. Тишины больше не существует, стен тоже нет, больше не за чем спрятаться.

О. Василий бежит от этого ужаса – и от самого себя. Как пишет автор, Фивейский «упал в трёх верстах от села <...> и в своей позе сохранил он стремительность бега; бледные мёртвые руки тянулись вперёд <...> и мёртвый продолжал он бежать» [1, с. 541]. О.Василий бросил вызов Богу, потребовал от Него доказательств своей избранности, объяснений своих страданий. Герой не готов покорно нести свой крест, поэтому он и бунтует. И даже после смерти Фивейский «продолжал бежать» [1, с. 541], словно и умерев, он не готов признать собственное поражение.

Повесть Андреева «Жизнь Василия Фивейского» – своеобразный итог раннего творчества Л.Н. Андреева. Здесь автор словно сконцентрировал все мучившие его вопросы и проблемы (тема рока, отношения человека с Богом, предназначение человека и его судьба). Причём эти вопросы не решаются однозначно, писатель зачастую сталкивает противоположные понятия, и многие его произведения строятся на антиномиях: правда – ложь, чувства – разум, светлое – тёмное, тишина – звук. В повести «Василий Фивейский» они тоже присутствуют, но автор их не противопоставляет, а смешивает. Андреев хочет показать зыбкость границ между светом и тьмой, добром и злом: одно, по мысли писателя, легко может трансформироваться в другое.

Используя многочисленные образы-символы, автор создаёт объёмный, постоянно развивающийся и меняющийся психологический портрет героев повести, раскрывая их внутренний мир во всей его неповторимости и противоречивости. По глубине затронутых вопросов и мастерству художественного изображения повесть, несомненно,

является вершиной раннего творчества Л.Н. Андреева.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреев Л.Н. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1990. – 640 с.
2. Иезуитова Л.А. Леонид Андреев и литература Серебряного века // Составители Ю. Валиева, Л. Шишкина. – СПб: Петрополис, 2010. – 740 с.
3. Киселёва А.Н. Художественные формы трагического сознания в прозе Л. Андреева (1898-1907): проблемы становления и архетипического соответствия: Дис. ... канд. филолог. наук. – М., 2004. – 208 с.
4. Курганов Е. Анекдот – Символ – Миф. Этюды по теории литературы. – СПб: Журнал «Звезда», 2002. – 128 с.
5. Лагутина И.Н. Символическая реальность Гёте. – М.: Наследие, 2000. – 279с.
6. Михеичева Е.А. Художественный мир Л. Андреева // Литература в школе. – 1998. – № 5. – С. 36-46